

КАРЬЕРА — «успешное продвижение вперед в области общественной, служебной, научной и прочей деятельности», поясняет словарь. Но речь пойдет не о карьере человека, а о пьесе, которая не по заслугам, не по достоинствам, не «по чинам» молниеносно быстро сделала карьеру «популярного» произведения, заняв приметное место в репертуаре многих театров страны. Речь — о драме «Дальнее эхо» С. Головановского.

Возможно, сведущих в театральном искусстве читателей удивит, почему вдруг решили заинтересоваться судьбой произведения, уже пережившего бурное цветение на театральных подмостках, отреченно-завоеванного в свое время и сейчас уже постепенно предаваемого забвению. Однако наш выбор пал на драму Саввы Головановского не случайно: не потому, что захотелось вернуть старое, не потому, что понадобилось еще раз уколоть авторское самолюбие. Отнюдь нет.

Передо мной опубликованная в сентябрьском номере журнала «Театр» сводка распространения пьес по театральным коллективам страны за 1962 год, которая заставляет думать, что довольно-таки странно складывается судьба драматургических произведений: иная хорошая, умная, полезная пьеса заинтересует исполнительский коллектив, привлечет внимание специалистов и многих ценителей искусства Мельпомены, а на сцене приживается с трудом. И, напротив, самое заурядное, ремесленное творение вдруг «захватит» большинство сценических площадок и становится таким модным «шлягером» в репертуарных афишах. Правда, «Дальнее эхо» не занимает сейчас лидирующее положение, но даже такие цифры, как тридцать театров, осу-

ществивших в 1962 году ее постановку (стоит учесть, что среди тридцати почти все — коллективы Украинской ССР, а их в республике немногим больше трех десятков), и триста сорок один спектакль, даже этого достаточно, чтобы поразмышлять о том, что же принесло пьесе такую популярность.

Но прежде чем заниматься аналитическими изысканиями, обратимся к «истории» и позволим себе привести несколько небезынтересных статистических данных. Начало сценической жизни «Дальнего эхо» — сентябрь 1959 года: тогда ее включил в свой репертуар один коллектив и показал за сентябрь десять раз. В октябре к нему присоединился еще один; в ноябре — уже 14 трупп показали 122 спектакля; в декабре пьеса прошла 185 раз на семнадцати сценах. Итак, с сентября 1959 года по 1 января 1960 — 342 спектакля. В 1960 году она шла в 25 театрах и была сыграна 1248 раз! Разве не головокружительная карьера? Дальше все постепенно пошло на спад, но и сейчас, когда на Украине «Дальнее эхо» уже отыграно, оно встретилось мне в репертуаре Майкопского театра имени Пушкина (постановка осуществлена летом нынешнего года).

В ЧЕМ ЖЕ секрет успеха пьесы С. Головановского? Почему театры проявляли к ней такой интерес? Почему она завоевала в свое время столь приметное место в репертуаре? Прежде всего несколько слов о содержании. В основе сюжета — весьма драматический конфликт: в мирную, спокойную жизнь благополучной супружеской пары врывается вдруг пришедшая «с того света», «захороненная» жена своего мужа и сестра мужниной жены Мария Доценко. Поя-

вляется она у монумента, воздвигнутого в память героев, погибших в Отечественной войне, на котором высечено и ее имя. Мария возлагает цветы на собственную могилу; сестра в ужасе бежит от нее; муж — в полном смятении, растерянности, потрясении; сын не хочет признавать мать, ибо на протяжении 17 лет матерью была сестра Марии, она же — супруга отца (драматург на 17 лет изгнал Марию, «сослав» ее в Южную Америку и в Северную Африку на серые шахты — истая мученица!). И лишь в финале, как и положено во всякой «порядочной» мелодраме, наступает асепрошение, умиротворение: сын выражает готовность уехать с настоящей матерью — Марией (а заодно и с любимой девушкой) куда угодно, лишь бы не оставлять ее в одиночестве; сестра и бывший муж остаются при своей семье с собственным сыном Петриком. Далеко эхо войны, вдруг нарушившее покой мирной жизни, пропало и заглохло...

Итак, драматург затронул тему, которая ворошила воспоминания о войне, о пережитых многими советскими людьми драмах, — о потере близких людей, о захороненных, возвращавшихся в родной дом, к разрушенной, разбросанной в разные концы света семье. Да, такие ситуации были в жизни. Были! И автору захотелось обратиться к их как можно жалостливее. Поэтому он женил мужа Марии не на ком-нибудь, а на ее родной сестре; поэтому он заставил сына Сергея на первых порах отречься от матери; поэтому он сделал садовника Степанюка инвалидом на деревянной культячке, а его внучку Орсю изобразил сиротой, взятой на воспитание из детского дома. Мало того, в первой редакции пьесы (она после серьезной критики прессы была значительно переработана автором) Орсю (эпизодическое лицо!) — дочь несчастной советской девушки, над которой жестоко надругался фашистский офицер-зверь. Несколько страниц пьесы, несколько сцен посвящено этому тягостному «жизненному» эпизоду и его последствиям.

ПРОБЛЕМЫ РЕПЕРТУАРА

КАРЬЕРА ОДНОЙ ПЬЕСЫ

Что и говорить, «страшных» ситуаций было наверчено много. Недаром одна из статей, помещенных в центральной прессе, так и называлась «Драматург пугает, а зрителю не страшно». Автор отмечал в ней нагромождение драматических конфликтов, случайных и нелепых обстоятельств. Появление такой пьесы рецензент объяснял «неумением драматурга видеть и передавать истинные, реальные конфликты, совершающиеся в действительности; отсутствием художественного вкуса, шаблонным подходом к людям». Нельзя подобной драматургией портить вкус зрителя, особенно зрителя молодого, заключал автор.

После того как спектакль прошел в Тульском театре, появились рецензия и в местной прессе (в «Молодом коммунаре»), в таких же тонах оценивавшая произведение С. Головановского: «Тенденция пьесы и спектакля — желание «пошкотать» нервы зрителя, заставить его вздрогнуть, забиться в истерических рыданиях», — говорилось в статье. Рецензент называл «Дальнее эхо» «откровенной мелодрамой».

Не выжрал восторгов и автор статьи, помещенной в «Луганской правде»: «Создавая образы своих героев, он (драматург. — М. И.) крайне обеднил духовный мир простых советских людей и этим самым сделал свою пьесу не только бедной в художественном отношении, но и идейно порочной», — читаем мы здесь.

Харьковская газета «Красное знамя» отмечала мелодраматич-

ность «Дальнего эхо», замкнутость ее темы в «семейном кругу» и совершенную оторванность от общественной жизни. Одним словом, о недостатках говорилось много, говорилось подробно, остро, аргументированно (правда, были и положительные отзывы в местной печати, однако их меньше, и они не столь доказательны). Говорилось, а пьеса именно в том, 1960 году, когда опубликовано большинство критических материалов, набирала темпы, завоевывая высоты славы. 1.248 спектаклей! Да о подобном не мечталось, наверное, ни самому Шекспиру, ни Гоголю, ни Островскому.

Одно лишь обстоятельство несколько нарушило радужную картину: Московский театр имени Ленинского комсомола не принял существовавший вариант и родилась новая редакция «Дальнего эхо». Правда, и этот вариант так и не появился на московской сцене: пьесу не сочли возможным показывать в столице. А по стране она шагала бодрым шагом, включалась в репертуар все новых и новых коллективов.

Конечно, насыщая слезливостью свое произведение, драматург безошибочно рассчитывал на чувствительность, свойственную многим людям, а театральные деятели, останавливая свой выбор на «Дальнем эхо», размышляли «по-деловому»: постановка спектакля не требует больших затрат, ибо в пьесе вопро-

живается на внешней эффектности, где сентиментальность — основная черта в характеристике пьесы, где автор никак не хочет отказать от коллизий, основанных на превратностях и «роковых» случайностях личной судьбы персонажей. Одним словом, нашли все признаки мелодрамы во всех ее характерных особенностях.

В своем очерке «Как ставится пьеса» Карел Чапек горестно восклицал: «Если бы драматург мог заранее знать, будет ли его творение иметь успех! Если бы директор мог предсказать, даст ли оно сбор». Думается, С. Головановский знал заранее, что драма возьмется воздействовать на зрителя: такой «трагедийный» конфликт — любовь к сестре и любовь к мужу, дилемма — остаться одинокой или разрушить семейное счастье родной сестры, которой в детстве Мария (героиня) заменила мать. Как же зритель не заплакать! И мучения сестры Ольги: уйти, уступить свое счастье сестре, отдать ей мужа, отдать племянника, который считает ее матерью, или упиваться собственным благополучием? Одним словом, во всем расчет на «отзывчивость» зрителя, на слезы, слезы и слезы.

Несколько недоверчивый взгляд: — Конечно, немаловажную роль сыграла экономическая сторона — малогабаритность пьесы. А потом, зритель хорошо принимает спектакль. Мы поставили его во время гастролей, и

изводится событие одного дня, значит, декораций мало; небольшое количество действующих лиц позволяет делить труппу и показывать в один вечер на разных площадках два разных представления — доходы!

И ВОТ удивительное явление: при разговорах о «Дальнем эхо» большинство собеседников недоуменно пожимают плечами: почему к ней проявляется интерес, что особенного в произведении? Заурядная пьеса, в которой много серьезных недостатков. Мелодрама? Безусловно, так она написана автором. Уверяют, что некоторые постановщики сумели смягчить элементы мелодраматизма и выявить героическую, гражданственную линию. Честно говоря, трудно себе представить, как это сделано, но предположим, что одному или двум коллективам подобно удалось. Однако пьеса-то шла не в одном, не в двух, а в тридцати с лишним театрах. Что же, все обращались к ней в надежде побороть слезливое начало и перевести на язык героики? Сомневаюсь.

Беседуя с руководством майкопского театра. Вопрос директору:

— Что вас привлекло в «Дальнем эхо»?

— Конечно, немаловажную роль сыграла экономическая сторона — малогабаритность пьесы. А потом, зритель хорошо принимает спектакль. Мы поставили его во время гастролей, и

все дни, когда шла эта пьеса, дали аншлаги. Конечно, это не то произведение, которое определяет творческое лицо театра, — спешит оговориться директор.

— Вам нравится «Дальнее эхо»?

— спрашиваю я главного режиссера театра Р. Романовского.

— Что и говорить, в ней много недостатков, но мы в своем спектакле совершенно избежали мелодраматичности.

— Что вас прельстило в ней? Небольшая заминка и потом:

— Экономическая сторона сыграла свою роль, однако не главную. По-моему, в пьесе есть одно достоинство, позволившее верить, что получится спектакль жизненно правдивый: все действующие лица готовы на жертву во имя счастья другого. Разве это не характерная черта советского человека?

Самопожертвование — верно, только оно какое-то слезливое, а не героическое. И потом — эта идея так далеко запрятана за всеми «трагическими наслонениями», что ее не сразу и заметишь.

Молодой постановщик Б. Иващенко — он же исполнитель роли Сергея (сына Марии) тоже несколько удивлен: почему корреспондента может интересовать «Дальнее эхо» — проходной спектакль, проходная пьеса? Он, пожалуй, более откровенен в беседе со мной:

— Когда мне поручили постановку, я был не в восторге: пьеса активно не понравилась — слезливая, в каждой фразе, в каждой реплике — мелодрама.

Только выбрать не приходилось — это первая моя самостоятельная работа. Пришлось всю пьесу «вывернуть наизнанку», поставить «с головы на ноги», чтобы очистить от слезливой мелодрамы и придать спектаклю героическое звучание. Пришлось и актеров «ломать»: ведь играть то, что написано жалостливо, слезливо, куда легче. Надо сказать, актеры играли эту пьесу без энтузиазма, да и я сам не был увлечен своей ролью. А уж когда получилось, когда зритель принял, волновался, стало интересно. В нашем спектакле совсем нет мещанской слезливости и слащавости. Тон задает пролог, написанный Романом Михайловичем (главным режиссером), он вводит в действие, обосновывает последующие события. А то ведь не было начала. А вот финала — его до сих пор нет: не нашли и не найдем — надо дописывать...

Итак, пьеса без начала, без финала, пьеса, которую надо «выворачивать наизнанку», чтобы она приобрела интонации, соответствующие духу нашего времени. Стоило ли на такое произведение затрачивать выдумку, талант, энергию постановщиков и актеров?

Первый возглас молодого ведущего актера — майкопского театра Юрия Косых (ему пришлось играть в пьесе 14-летнего мальчика Петрика) при упоминании о «Дальнем эхо»: «Слава богу, в этом сезоне уже не буду играть в спектакле!». Достаточно убедительно!

БЕСЕДА в Киеве в Министерстве культуры УССР с тте. Куничей, Подгорным, Новиковой не опровергла уже сложившегося мнения — пьеса

заняла незаслуженно большое место в репертуаре театров. Мы много критиковали «Дальнее эхо», указывали на недостатки, делали серьезные замечания и на заседаниях коллегии министерства, и на обсуждениях, совещаниях, а она все продолжала идти. Запрещать не было никаких оснований. Руководители же театров не реагировали на критику. Удобно, экономично, пользуется успехом у зрителей — вот и весь разговор.

Зритель принимает — это самый важный аргумент. А вот почему он все-таки принимает, почему спектакль находит отклик у зрителя, хотя пьеса неоспоримо слабая, хотя художественные достоинства ее весьма невысоки? Легче всего было бы сослаться на невзыскательность, всеядность зрителей. Нет, это совсем не так. Успех пьесы, конечно, предопределен темой: множество ассоциаций, которые способны возбудить воспоминания о войне, о трудных годах битвы за Родину на фронтах, о скитаниях по стране обездоленных семей, о партизанах, о мучениях угнанных в плен советских труженников, находившихся в лагерах смерти, о партизанах. А самое главное — сильные чувства, к ним аудитория не может остаться равнодушной. Здесь же автор «бьет» на самые сильные чувства. Рассказы героини о жизни, проведенной в изгнании, в плену, вдали от Родины, — разве они могут не вызвать сострадания, жалости? Трудная судьба вернувшейся к семье женщины, которая, оказывается, никому здесь не нужна, волнует, трогает, печалит. И чем больше нагнетается в пьесе этих трогательных или ужасных «стечений обстоятельств», тем большее количество зрителей способна она взбудоражить, разбередить их чувства.

В «Дальнем эхо» чувства эти настоящие, неглубокие, потому что фантазия драматурга здесь уступила место уму, а ум, как говорил В. Г. Белинский, работал «без участия чувств, по источникам изобретения». Именно изобретались положения, конфликты, «эраза-чувства» и «эраза-мысли», которые бьют на эффект: растрогать, во что бы то ни стало растрогать аудиторию.

Что и говорить, зритель тяготеет к жанру, в котором раскрываются простые и сильные человеческие чувства, он тяготеет к психологической драме — жанру доступному, понятному, доходчивому. А так как высокохудожественных психологических драм у нас мало, непростительно мало, на свет рождаются заменители. Зритель принимает их.

Но вправе ли драматург «специализировать» на этом, вправе ли довольствоваться малым, будучи уверенным, что все равно дойдет? Ведь долг истинного художника, а с ним и исполнительских коллективов — в каждой пьесе, в каждом спектакле думать о самом большом — о настоящем искусстве!

Спектакль «Дальнее эхо», по существу, уже отжил на сцене — сейчас лишь остаточные явления, рецидивы былой славы. Однако судьба этой пьесы не уникальна — их немало, драматургических поделок, завоевавших ведущее положение благодаря трогательности или занимательности сюжета, внешнему правдоподобию конфликта. И заинтересовала карьера «Дальнего эхо» потому, что она поучительна — поучительна для драматургов, поучительна для театров.

М. ИГНАТЬЕВА,
спец. корр.
«Советской культуры».
МОСКВА — МАЙКОП — КИЕВ.